

глядела, но потом любовь устами твоими меня встать заставила, биеция сердца и зыблющаяся грудь твоя являли сильное оной движение, ты упала ко мне в объятия, слов не доставало к изображению твоих мыслей, я слышал только голос, но жар в глазах изображал мне твои мнения, любовь мне их толковала.

Я отдался в твою волю, ты моей была подвержена, приятной поцелуй был возвещателем нежных желаний. Мы ими были преисполнены, им повиновались, и сколько красота твоя над душою моею всегда владычествовала, толико моя любовь тогда господствовала над тобою, ты была бессильна, я был победителем, но торжествовал, будучи побежденным.

Считаю я минуты моего в Париже пребывания, и та последняя, в которую я тебя увижу, будет первая моего удовольствия. Ах! Рокслана, надобно иногда быть на несколько отлученну от того, кого любишь, чтобы лучше восчувствовать; с тех пор, как я с тобою расстался, всякая минута горести для меня новую в тебе рождает приятность. И сколько их протекло, столько новых красот, увидев тебя, надеюсь я в тебе увидеть.

Будь здорова, Рокслана, будь довольна, да не помрачит печаль твоей предести, и болезнь не истребит любовного в тебе жару, мою любовь только оной погасить долженствует. Лишение утех на несколько времени послужит тебе лучше их восчувствовать, время, которое я не был с тобою, дань сию тебе долженствует. Прости, Рокслана.

Из Парижа от 12 луны Сафара 1775.

(л. 96, об.—98, об.)

НЕВОЛЬНИК К ЦЕФИЗЕ В СЕРАЛЬ

от 26 авг<уста>

Какое ужасное состояние, Цефиза. Я должен убежать тебя п духом быть с тобою непрестанно, видеть тебя всегда и не смею глядеть на тебя, показывать тебе холодность, когда пламя любви в глазах моих изображается. Несказанное мучение! но должное для твоей непорочности! Она требует, чтобы уничтожить вредные слухи о твоей славе. Да, Цефиза, я на это согласен, охотно хочу я жертвовать моим удовольствием твоему спокойствию.

Тебя беспокоят неистовые сии слова, кои ты слышишь! Неужели, думаешь ты, они для меня нечувствительны? Нет, они столько меня разят, что я собственным моим спокойствием твое составив осуждаюсь.

Знаешь ты, сколько твоя беседа меня утешает, сколько слова твои над душою имеют власти, подумай же, сколь несносно для меня будет их лишение! И тогда, когда глаза мои уверили тебя о моей к тебе преданности, и поступки о движении моего сердца, когда приобрел я несравненное удовольствие целовать твою руку, горестное удовольствие, коего приятность муку мою теперь составляет.

Нет, Цефиза. . . Я буду доволен, коль удостоверен буду, что ты спокойна, я стану советовать моей страсти говорить с моим сердцем и его движения уговорить. «Утешайся, — скажу я ему, — твоим стена<ни>ем, оное цена цефизиною покою». «Ты любишь, — скажу я тогда сам себе, — и Цефиза любит. . . А не<до>вольно ли сей непорочной любви, чтобы наградить тебя за твое страдание?»

Но если благотворной случай даст свободу мне с тобою увидеться там, где строгие глаза надзирателей не встревожат нашу нежность, позволишь ли ты мне, Цефиза, подойти к тебе, сказать тебе одно слово и бы<ть> довольну?

Любовь от пренятствий раздражается. Чувствую я, Цефиза, силу сей истины, вчера я был перед тобою и не воздержался, что<с> не взглянуть на тебя, тогда жар, которой я в сердце моем имею, получа сугубую силу, на лице моем образовался, ты то приметила, а мне все хитрости были потребны, чтобы от других утаить его.

Я скрывал, однако, мои мнения, и видели к тебе мою холодность. Но да не возмутит, Цефиза, она твоего духа, не подумай, что она истинна, нет, сила моей любви толь велика, что я ни скрыть, ни изъяснить не могу ее.

(л. 108—109, об.)